

22 апреля (5 мая)

Священномученик
Евстафий Малаховский

Священномученик Евстафий родился 29 марта 1880 года в семье священника Полоцкой епархии Владимира Малаховского. В 1897 году Евстафий окончил Полоцкое духовное училище, в 1900 году – три класса Витебской Духовной семинарии и был назначен учителем в Прудскую церковноприходскую школу Гродненской епархии.

Ревностный христианин, он решил послужить Церкви в сложных тогда условиях Туркестанской епархии, где русские переселенцы в ту пору почти не имели храмов и духовенства, и 15 декабря 1904 года был назначен псаломщиком в ташкентскую военную церковь; в марте следующего года он был переведен в туркестанский кафедральный собор; 13 мая 1905 года рукоположен во диакона, а на другой день – во священника к этому собору.

27 мая 1905 года отец Евстафий был назначен священником Трехсвятительской церкви в село Карабулак. 1 сентября 1906 года он был перемещен в Софийскую церковь города Верного, 5 сентября 1907 года назначен настоятелем храма в селе Ивановском Лепсинского уезда, в 1909 году – в Покровскую церковь города Верного, в 1910 году – в храм поселка Каралинского Лепсинского уезда, в 1911 году – в станицу Лепсинскую.

За время служения в Лепсинском уезде ему близко пришлось наблюдать жизнь русских переселенцев. Отец Евстафий писал: «...Сравнительно еще недавно, лет пять или шесть, жизнь здешнего края во многих отношениях казалась лучше, чище и отраднее. Мне приходилось слышать рассказы о возникновении и самому наблюдать жизнь старожильческих селений. Недавно же привелось послужить и в переселенческом приходе.

Прежде всего, большая разница в настроении прежнего переселенца и теперешнего. Прежний переселенец был, почти исключительно, хлебороб. Шел в поисках земли и лучшей доли и был счастлив, когда после долгих прошений и скитаний ему наконец удавалось получить надел и разрешение начальства поселиться на облюбованном месте. Первой заботой его после этого было построить хотя бы маленький храм, и отрадно билось сердце его, когда в этом храме, иногда раза три в год не более, раздавалась служба Божия, совершаемая приезжим священником. В это время чувствовал он, что хотя и далек от своей прежней родины, что хотя и окружен со всех сторон иноверцами, но все же не потерял еще духовной связи с родимой стороной, и легче ему было, когда он видел, что и здесь есть еще люди одинаковые с ним по вере, и здесь, хотя редко, все же он видит такого же пастыря, какой наставлял его в детстве и которому привык он доверяться во всем. Дорожа своей верой, он ревниво оберегал ее, а так как ранее сходились в селения по своему согласию, то крестьяне-малороссы просто не принимали в свои общества разных сектантов. Но вот проходил год, другой. Увеличивалось материальное благосостояние пришельца: а в связи с этим являлось и желание иметь более благоуукрашенный храм. Старожил не любил в этом святом деле искать посторонней помощи и своими жертвами и трудами вскоре воздвигал его.

Воздвигши храм, он начинал хлопотать себе причт и в этом отношении не надеялся на казну, а сам, своими средствами не только строил причтовые дома... но нередко давал причту и жалование. Мне известен такой случай, когда крестьянское селение всего из ста дворов, построив без копейки посторонней помощи церковь за пять тысяч рублей, стало хлопотать себе причт, при этом крестьяне обязывались не только построить причтовые дома, и не такие, чтобы только отделаться, а по плану, который выдаст консистория, кроме того, не прочь были дать от себя причту и небольшое жалование, но и после всего этого только через три года у них открыт был приход. Отсюда естественно, как дорожили они священником и с какой трогательной, свойственной одному русскому человеку предупредительностью относились к нему.

Второй главной заботой нашего старожила была школа. И здесь он выставил себя с хорошей стороны...

Совершенно другой элемент представляют из себя теперешние новоселы, из коих некоторые являются просто искателями приключений, другие своего рода аферистами, специализировавшимися на получении разных пособий, третьих же выбросила из внутренних губерний России революционная волна и, наконец, некоторая часть вынужденная на переселение тяжелыми условиями быта на родине. Нужно еще добавить, что, прежде чем дойти до Туркестана, многие успели пройти почти всю Сибирь, следовательно, “видали виды” и прошли “огонь и воду”. Большим соблазном служат для новоселов разного рода “способия”. Как-никак, а многие не могут понять, как это “даром” дают деньги?! На этой почве возникают разные толкования, но в конце концов они так привыкают к этому, что начинают просить их у всех топографов, докторов, фельдшеров, священников и псаломщиков и, наконец, писарей, и даже стражников переселенческого правления... Когда я приехал на приход, то меня вначале буквально осаждали с подобными просьбами. После же того, как я категорически отказался от таких ходатайств, многие из моих прихожан почти вслух стали выражать свое недовольство таким моим якобы пренебрежением их интересов. “Способие” же породило у новоселов лень. Как ни странно, но, прожив в переселенческом селении более года и слыша постоянные жалобы на нужду, я не мог найти в этом селении прислуги, а нанимал таковую в соседнем старожильческом казачьем селении...

С другой стороны, пришлось мне по приезду в селение совместно с лучшими из прихожан, большая часть которых состояла из бывших мещан, понести заботу о постройке молитвенного дома, каковая и увенчалась успехом. И вот, когда уже прошло после этого несколько месяцев, случилось мне отпевать одного из новоселов, после чего по обычаю предложили обед. И вот во время обеда один из присутствовавших новоселов... нагло заявил мне: “Вы из нас кровь пьете”. Пораженный такими словами, я вначале как бы растерялся, да и остальные присутствовавшие недоуменно поглядывали друг на друга. Наконец, несколько оправившись, я спросил его: “Как это мы пьем и кто, собственно?” Оказывается, что в этом он укорял меня и сидевших около меня некоторых старожил, которые участвовали в комитете по постройке молитвенного дома. Из дальнейших расспросов стало видно, что укорявший нас новосел получил 100 рублей пособия, из которых, согласно с приговором, у него удержали 2 рубля на постройку молитвенного дома...

Заметил я также между новоселами большое самомнение, жестокость и страсть к разного рода жалобам...

Не подлежит сомнению, что как в религиозном, так и во всех других отношениях старожилы-туркестанцы далеко стоят выше новоселов. В старожильческих селениях до последних лет не слышно было сектантов, тогда как в новых выселках они обманом, а иногда почти и открыто пролезают в значительном количестве. Впрочем, крестьяне православные в таких случаях напрягают все силы, чтобы избавиться от непрошенных проповедников, но все их старания не всегда оканчиваются успехом...»

18 января 1913 года отец Евстафий по его прошению был назначен разъездным священником 1-го Пишпекского округа, в 1914 году – в село Теплоключинское Пржевальского округа и в том же году – настоятелем Покровского храма в село Покровское, в тридцати пяти верстах от Пржевальска на южном берегу озера Иссык-Куль.

В 1916 году в Семиреченской области вспыхнуло восстание киргизов. Киргизы, воспользовавшись тем, что Россия была втянута в Первую мировую войну, и оправдываясь тем, что государственная власть стала призывать их к тыловой службе, подняли восстание. Пренебрегая тем, что Россия в значительной степени улучшила за эти годы их положение, они предпочли в трудный для страны час жестокий грабёж и безграничный разгул страстей мирной, созидательной жизни.

Настоятель Пржевальского городского собора священник Михаил Заозерский писал об этих событиях епископу Туркестанскому Иннокентию (Пустынскому) в рапорте: «В начале июля сего года была объявлена мобилизация киргиз в качестве рабочих на войну; тотчас же всех нас объял страх, вскоре заговорили, что киргизы не подчинятся этому закону. В начале августа между русскими пошла молва, что резня русских начнется в начале августа в новолуние. Между тем киргизы обманывали начальство, целовали свой Коран, давали клятву, что исполняют закон, а сами в это время точили свои ножи и пики. Положение наше было ужасное: Верный в 400 верстах, до Пишпека 370 верст, до Ташкента 833 версты. В Пржевальске была караульная команда в семьдесят человек, из них в село Сазановку было послано двадцать солдат и в село Кольповку – десять человек; в городе оставалось около сорока винтовок, весь народ находился на войне, в городе и в 26 селениях оставались одни старики, женщины и дети.

10 августа киргизы внезапно, одновременно (значит, у них был заговор) напали на беззащитные русские селения всего уезда, угнали скот, который был на пастбище (село Покровское потеряло около 15 тысяч голов скота), и начали избивать работавших на полях; в селе Преображенском, по словам местного священника, убито в поле около двухсот человек. 11 августа они напали на селения, начали избивать жителей и жечь дома... В 9 часов утра 11 августа, когда киргизы от города были в 9 верстах, а дунгане (китайцы-мусульмане, поселившиеся в Туркестане с 1883 года) в 4 верстах, я приказал ударить в соборный колокол в набат. Весь народ прибежал на соборную площадь с ружьями, вилами, кольями и прочим вооружением; стали молиться Богу, я исповедовал, причащал, готовились к смерти... Так как мы не могли защищать город, поэтому город оставили без защиты, а сами пять дней спасались в казармах. Вокруг казарм сделали баррикады из телег, женщины и дети находились в казармах, а мужчины с пиками и вилами у баррикад. Вокруг города пылали зарева – это горели церкви и села. Никогда не забуду ночь с 14-го на 15 августа, когда мы услали отряд... спасти Покровское, а сами остались с семью

винтовками; киргизы в эту ночь уже начали поджигать окраины города. Какая была паника в казармах! Пощады русским не было: их резали, избивали, не щадя ни женщин, ни детей. Отрезали головы, уши, носы, детей разрывали пополам, натыкали их на пики, женщин насиловали, даже девочек, молодых женщин и девушек уводили в плен. Когда в городе узнали об этих зверствах, началась паника. Один чиновник сказал мне: “Батюшка, мы все погибнем, спасения нам нет, но жену и четырех детей я не отдам на мучения, я их отравлю”. Сам я свыкся с мыслью о смерти, но мне не давала спать мысль о судьбе жены и моих детей: у меня один сын и пять дочерей. За время мятежа разграблено и сожжено 23 русских селения, из них два селения Сазановка и Покровка, существовавшие с завоевания края... Сгорели со всем имуществом храмы в селениях Сазановке, Покровском, Алексеевском, Графа-Палене и Григорьевке, сгорело восемь молитвенных домов и семь церковноприходских школ. По моему предположению убито около двух тысяч человек; погибли хутора и все пасеки. Убиты помощник начальника уезда, сазановский судья, пржевальский участковый врач и другие чиновники.

30 августа явилась ко мне жена разъездного диакона, пятнадцать дней пробывшая в плену, и рассказала, что киргизы на них напали в селе Барскаун. Они все спасались в доме; вечером 12-го киргизы подожгли дом, они выскочили: одних убили, а она, священник Иоанн Роик с женою и детьми были взяты в плен; она случайно нашла пятилетнего сына, а дочь и сын остались в плену, что киргизы обрили отца Роика, убеждали перейти в мусульманство, и, получив отказ, они убили отца Иоанна...

Если бы киргизы сразу напали на город, то нас уже не было в живых и пропал бы весь уезд, а пока киргизы возились с поселками (сазановцы отбивались десять дней и 19 августа бежали в Преображенское), к нам подошли войска 15-го и 20 августа из Джаркента, 2 сентября из Верного и 6 сентября из Ташкента с 4 пушками и 4 пулеметами, – киргизы ушли в горы...»

Отец Евстафий сразу же по прошествии событий писал в рапорте благочинному: «С 11-го по 15 августа 1916 года – дни гнева и явной помощи Божией Покровскому приходу. Еще с весны, когда начался посев мака под опий, все православные люди говорили, что добра с этого не будет. Может быть, все это стечение обстоятельств, но лично я тоже сознавал, что, хотя опиум официально и предназначался для аптек, но те, которые его засевали, предполагали сбывать его и в Китай по значительно более дорогой цене, т. е. построить свое благополучие на гибели других...» Встав в 7 часов утра 11 августа, отец Евстафий собирался ехать в Пржевальск за церковными свечами, но не оказалось лошади – на ней уехал в Пржевальск участковый врач. Как выяснилось впоследствии, он был зверски убит, не доезжая пяти верст до города. Через 10 минут после того, как отец Евстафий вышел на улицу, здесь стали раздаваться крики, «что киргизы набросились на только что выгнанные табуны скота и погнали их в горы. Первым делом, – вспоминал священник, – у меня мелькнула мысль, что необходимо объединить народ, чтобы общими силами дать отпор неверным, для чего я велел звонить в колокол... Народ быстро стал собираться в церкви. В это время на предгорных холмах около села появились большие толпы киргиз с флагами, готовившихся к нападению на него. Казалось, дни наши были сочтены, так как в селе были почти одни женщины и дети. Мужчин вообще и ранее было немного, а в рабочее время и те, которые оставались, были на работе. Да и что мог сделать десяток-другой почти безоружных людей против тысяч киргиз! Видя все это, я решил готовиться к

смерти и приготовить к ней своих духовных детей. И вот в церкви мы начали служение акафиста Покрову Пресвятой Богородицы. За общим рыданием не было слышно слов акафиста. Это был общий предсмертно-покаянный плач. Семья моя находилась здесь же около иконы Богоматери. Передав чтение второго акафиста диакону Резникову, я начал исповедовать народ, но видя, что поодиночке не в состоянии исповедать, предложил общую исповедь. Народ стал с рыданием каяться в своих прегрешениях. Прочитав затем общую разрешительную молитву, я приступил к причащению всех запасными Святыми Дарами...

Все это происходило в церкви. Что же в это время было вне нее? – А вне нее совершилось дело явной помощи Божией. Киргизы в огромном количестве с диким воем бросились с гор на село. Совершенно случайно в селе оказались три казака, вооруженных винтовками, и один техник с охотничьим ружьем. И вот почти четыре этих человека при слабой поддержке нескольких мальчишек отбили нападение. Пусть неверующие люди объясняют это чем угодно, но я и мои прихожане не сомневаются в этом первом заступлении за нас Царицы Небесной.

Пока происходило наступление, постепенно стали прибегать с полей и из других мест мужчины. Появилось несколько охотничьих ружей, револьверов, кос, вил... с этим вооружением люди стали на улицах по краям села. Киргизы же, собравшись на предгорных холмах, готовились к новому нападению. В село стали прибегать люди с печальными известиями о зверствах киргиз над теми, которых они захватили на полях и дорогах...

Но вот началось новое наступление. Послышались крики и отдельные выстрелы. Прошло приблизительно с полчаса времени, как вдруг раздался общий крик, что киргизы ворвались в селение. Показалось пламя и стало известно, что они пробежали по главной улице села и зажгли в нескольких местах дома. Поднявшийся сильный ветер еще более усиливал панику. Женщины взяли иконы из церкви и с пением “Заступница Усердная” и другими песнопениями вышли на площадь около храма. К этому времени мы совместно с учителем Стародубовым пришли к решению, что более удобное место для защиты будет – два больших школьных здания с огороженным глинобитным заплотом садом и площадью между школой и церковью, почему и стали собирать женщин и детей в здания школы и сад около них.

Огонь с ветром между прочим делал свое разрушительное дело, и нам грозила опасность задохнуться в дыму и остаться беззащитными, когда сгорят дома. Но ветер принес нам пользу. Сильными порывами он отнес пламя на ту часть села, где не было людей, а лишь грабили загоревшиеся дома бывшие работники-киргизы, зная, где лежит хозяйское добро.

Первый день ожидания страшной, насильственной, зверски-издевательской и мучительной смерти приходил к концу. Киргизы отхлынули, и лишь огонь пожаров зловеще освещал церковь, площадь, школу и народ. В церкви началось вечернее служение. Вероятно, никто не спал в эту и в остальные ночи. По крайней мере я в продолжение четырех ночей только по несколько минут тревожно дремал, и что, удивительно, не чувствовалось склонности ко сну...

Стали появляться лица, которым с Божией помощью удалось избежать насильственной смерти. Некоторые из них были жестоко изранены. Ужасом веяло от их рассказов. Киргизы не щадили даже маленьких детей. Времена злой татарщины воскресли в моей памяти, но все, что когда-то читалось об этих временах, бледнело пред бывшей действительностью. Грозившая нам всем опасность подвергнуться той же участи заставляла всех еще сильнее просить

помощи Божией. Всю ночь я ходил среди людей, исповедуя и приобщая больных и побуждая мужчин не спать и быть готовыми дать врагу отпор в случае нападения.

В это время в наших “мастерских”, состоявших из двух кузниц, спешно изготовлялись ружейные патроны, собирали порох, отливали из свинца пули, а впоследствии, когда не хватило свинца, на это пошли самовары. Делали копья, тесаки и прочее вооружение. Явились свои инструктора и мастера. Все работали для общего дела – спасения жизни.

Вечером в этот день я обратился с призывом к людям – кто бы решился на подвиг и пробрался с известием в город Пржевальск. На мой призыв отозвалось четверо мужчин и несколько подростков. Решено было послать ночью часть пешими, а часть на лошадях. Мальчики скоро вернулись обратно, так как вышли рано и были замечены киргизами. Остальные же, как потом узнали, ночью добрались до Пржевальска. Вся трудность в этом деле состояла в том, что по дороге из Покровского в Пржевальск было дунганское селение, и мы знали, что это неблагоприятное исчадие, когда-то защищенное русскими, зло отплачивало нам. В это время у меня мелькнула мысль, принесшая нам впоследствии такую пользу, что без преувеличения можно сказать, что не приведи мы ее в исполнение, вряд ли бы мы остались живы, а именно: я обратил внимание на то, что киргизы нападают на лошадях и что весь их напор до сего времени сдерживался живой силой, – но долго ли могли его сдерживать каких-то сто человек против тысяч?.. Это... навело меня на мысль загородить улицы баррикадами. Чего, кажется, понятнее? Но русский человек и в опасности себе верен – не скоро его раскачаешь. Все нужно показать наглядно. Напрасно я уговаривал загородить улицы. Меня никто не слушал. Оставалось одно – сделать это самому. И вот рано на заре я, взяв несколько женщин, стал вместе с ними ставить поперек улиц телеги. Приходилось спорить с теми, кто не желал переставить своей телеги на другое место. Но как бы то ни было, а кругом площади мы установили по одному ряду телег. Следующий день наглядно показал всю пользу подобных заграждений, когда на них наскочило несколько киргиз. После этого крестьяне уже сами стали строить баррикады не только из телег, но из бревен и борон, и не в один, а в три ряда.

В седьмом часу утра началось служение литургии. Опять многие исповедались и приобщились Святых Таин. Приобщены были и дети. Только что кончилась литургия, как с колокольни, служившей для нас наблюдательным пунктом, стали замечать появление из разных горных щелей небольших групп киргиз, которые постепенно стали собираться кучами. Приблизительно часов около одиннадцати, разделившись на две партии, с диким воем, под руководством своих предводителей, державших белые и красные флажки и дававших ими особые знаки, орда в количестве нескольких тысяч вновь бросилась на село, но, встретив на своем пути баррикады, за которыми сидело десятка два стрелков с охотничьими ружьями, на время отступила и занялась грабежом и поджогом тех домов, которые находились вне черты нашей обороны, так как при малочисленности защитников мы не могли оборонять всего села.

Наступления киргиз продолжались часов до четырех. Все это время в церкви непрестанно молились. В этот же день часов около двух в Покровское приехали переселенцы из села Светлой Поляны. Обрадовались было покровцы, что нашей силы прибыло, но скоро разочаровались, так как новоселы народ бывалый и по приезде прежде всего устроились под бичками и занялись едой. Затем пошли по

амбарам за мукой, попутно забирая все, что попадало на глаза. Скоро пошли жалобы и на пропажу одежды. Странно и непонятно было для меня, что люди, доживая, может быть, последние часы своей земной жизни, решаются воровать. В 5 часов вечера служили вечерню и утреню, а в 7 часов утра литургию. Днем в продолжение всей осады по несколько раз служили молебны водосвятные и акафисты с крестными ходами.

В субботу нападения не было, хотя на предгорных холмах появлялись небольшими кучами киргизы. Чем объяснить это – я затрудняюсь. Говорят, в этот день русские разбили дунганское село. Наконец наступило воскресенье – 14 числа августа месяца. Едва кончилась литургия, как со всех горных щелей стали вылезать отдельные партии киргиз. По всему для нас было видно, что трудно нам придется, если из Пржевальска не дадут помощи, тем более что нам было сообщено прибежавшими из плена, что киргизы решили за нашу упорную защиту не выпустить никого из села живым. И вот в унылом, близком к отчаянию состоянии духа мы начали в 12 часов дня служить молебен на площади. Слезно молился исстрадавшийся народ Царице Небесной. И, о утешение! – во время молебна прибежал вестовой с извещением, что из Пржевальска идет дружина. Еще усерднее стала молитва, и когда, приблизительно через полчаса, действительно пришло шестьдесят пять человек дружинников, весь народ, как один человек, пал на колени и слышно было сплошное рыдание. Вообще, над Покровским приходом прямо явно для меня и верующих людей вместе с гневом Божиим была видна и помощь Его нам по слезной народной молитве к Заступнице Усердной. Приди помощь позже на час – возможно, что многих из нас уже не было бы. Только что мы успели обойти с крестным ходом занятую народом площадь, как со стороны гор послышался дикий зловещий вой. Шесть волостей киргиз, то есть не менее шести тысяч орды, летело на полуразоренное село.

Три часа непрерывно сыпались ружейные выстрелы, только к вечеру стихла стрельба. Киргизы отхлынули в горы, готовясь на завтра к нападению на нас еще в большем числе. Мало кто из нас надеялся, что мы продержимся следующий день. Как бы в ответ на наши мысли дружинники сообщили нам, что на завтра они остаться не могут, и предложили ночью ехать в Пржевальск – другого исхода не было. Все сознавали, что нужна только особая помощь Божия, чтобы проехать незамеченным тридцать пять верст обозу в семьсот подвод под охраной какой-либо сотни наездников, вооруженных охотничьими ружьями. Почти уверенные, что не видеть нам завтрашнего дня, мы начали служить всеобщую Успенную Богоматери. Народ уже начинал собираться в путь, и в церковь заходили для краткой молитвы. Кончилась всеобщая. С особым, непередаваемым словами чувством стоял я около престола. С одной стороны, меня не покидала мысль о том, что, может быть, это была наша последняя всеобщая, с другой – мне представлялось, как через несколько часов и на этом месте появятся люди-звери и начнут свои бесчинства...

Отец диакон, задумчивый и безмолвный, стоял около меня. Молча поклонились мы друг другу и пред святым престолом, после чего я взял святой антиминос и Дары себе на грудь, сказав, что, если меня убьют, – пусть он снимет их с меня... Церковному старосте я велел взять деньги и предложил стоявшим в церкви взять кто что может. Взяли несколько икон. Ехать было решено после полуночи, но в 10 часов уже все лошади были запряжены. На площади было

светло от горевших кругом домов, а в церкви светились поставленные перед образами свечи. Посреди церкви лежала икона Успения Богоматери...

Ожидая отъезда, я зашел в свой дом, все в нем лежало на своем месте. Какое-то чувство безразличия ко всему на время овладело мною. Но вот приближалось время отъезда, и чем ближе было оно, тем сильнее сжималось сердце. Минут за 20 до отъезда я вновь отправился в церковь проститься в последний раз... Велел взять запрестольный крест на переднюю подводу, а икону Божией Матери на последнюю.

Все сели на свои воза в ожидании команды – трогать. Проехали вперед десятка полтора конвоиров. Слышно было, как впереди разбирали баррикады и починяли мост. Минут через десять раздалась тихая команда: “Трогай”. В полутьме видно было, как поднялись руки, творя крестное знамение. Послышались сдавленные рыдания. Я сидел на козлах, а в тележке за мной беззаботно дремали, тесно прижавшись друг к другу, мои дети... “Неужели же, Господи, Ты не помилуешь их?” – мелькнула у меня мысль, и вместе с тем болезненно сжалось сердце при мысли о том, что станет с ними в случае нападения киргиз. Слезы затуманили мне очи, а руки творили над ними образ Креста Господня. Затем, сотворив мысленно молитву Пресвятой Богородице, я благословил весь обоз. Как в тумане каком помню, как ехали по улицам догоравшего села. По выезде из села стали попадаться трупы убитых русских. Стук телег, ржание лошадей, поднятый семьюстами подвод, привели меня в отчаяние... С минуты на минуту я ждал, что вот с гор послышится зловеющий вой, и содрогался при мысли о той картине, которая тогда получится. Только что проехали верст пять, как на горах показался огонь. “Сигнальный”, – подумал я и на время прямо остолбенел. Затем всем сердцем своим стал молиться. В таком напряженном состоянии духа доехали до села Иваницкого, то есть 15 верст. Вдруг обоз остановился и спереди послышались крики. Значит, подстерегли... Слышны рыдания женщин и молитва... Но, благодарение Создателю, – того, чего ждали, не случилось. Оказалось, израненные и полуживые остатки жителей села Иваницкого, слышав шум обоза, выползли к дороге, и их стали подбирать на телеги. По всему селу Иваницкому перекликались петухи, но мы знали, что в нем нет ни одной живой души. Обоз наш тронулся дальше... вот уже до города верст восемь. На пути стало попадаться много изуродованных трупов убитых русских людей, как взрослых, так и детей.

Целую книгу можно написать о зверствах киргиз. Времена Батыя, пожалуй, уступят... Достаточно того, что на дороге попадались трупы десятилетних изнасилованных девочек с вытянутыми и вырезанными внутренностями. Детей разбивали о камни, разрывали, насаживали на пики и вертели. Более взрослых, клали в ряды и топтали лошаадьми. Если вообще страшна смерть, то подобная смерть еще страшнее. Жутко становилось при виде всего этого.

Ехали мы уже около шести часов, и стало светать; вдруг позади раздался крик, что гонятся киргизы. Что произошло далее, легко вообразить. Люди, что есть мочи, гнали лошадей; сваливались вместе с телегами с мостов; те, у которых что-либо ломалось или распрягались лошади, безумно обращались с просьбой к скачущим о помощи, но все думали только о себе... Вот уже и город. Навстречу бегут с пиками и ружьями дружинники... Мы спасены... и литургию в день Успения Богоматери могли служить в Пржевальске.

Над нами явно совершилось чудо. Пояснение одного из бежавших пленных подтверждает это... Когда назавтра в Покровское пришли киргизы, они рвали на

себе одежды, драли головы ногтями и вопили, а затем убили своих двадцать человек часовых, которые так крепко спали, что не могли слышать стука и шума обоза, растянувшегося на десять верст. Разве это не явная помощь Царицы Небесной, внявшей молитвам недостойных рабов своих? Ни один человек из выехавших из Покровского не погиб. Пусть задумаются люди над этим. Наказал нас Господь, но смерти не предал».

В 1916 году после уничтожения во время мятежа киргизов села Покровского отец Евстафий был назначен настоятелем церкви села Благовещенского Андижанского уезда; в этом же году он был переведен в село Егорьевское Черняевского уезда, а затем в Покровский храм в станицу Надеждинская* Верненского уезда. Священник Евстафий Малаховский был убит пришедшими к власти безбожниками-большевиками во время Пасхального крестного хода 22 апреля/ 5 мая 1918 года.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Апрель». Тверь. 2006. С. 231-243

* Ныне город Есик Енбекшиказахского района Алматинской области.